

А.О. Мещерякова

«Поэтический консерватизм» в эпоху Николая I

Царствование Николая I стало «золотым веком» русского консерватизма, временем его подлинного расцвета. Шел активный процесс формирования идейной базы консервативного течения русской мысли. Его представители поднимали вопросы, которые стали ключевыми для отечественного консерватизма в целом, во многом определив ход его развития. Для русских правых интеллектуалов второй четверти XIX века приоритетными были такие проблемы как взаимоотношение России и Запада и осмысление места Российской империи в мире, возникновение и суть европейской русофобии, осознание самобытности русской культуры и особого исторического пути России. (Такая ключевая для русской историософии тема, как «Россия и Запад», получила в этот период мощное развитие.) Будущие поколения русских консерваторов во многом лишь развивали наработки своих единомышленников николаевского царствования. Своеобразие русского консерватизма второй четверти XIX века заключалось и в том, что в этот период он стал *официальной государственной идеологией*, которая нашла свое краткое выражение в формуле «православие – самодержавие – народность». Ни до, ни после царствования Николая I консерватизм не играл столь важной роли – в государственной и общественной жизни Российской империи, – как в эти годы.

Консерватизм в николаевское царствование был по-настоящему мощным движением, включавшим в себя помимо самого императора и некоторых высших сановников (А.Х. Бенкендорф, Л.В. Дубельт, С.С. Уваров), многих представителей университетской профессуры (М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Н.Г. Устрялов), журналистов, публицистов (Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков), литераторов (Н.В. Гоголь, М.Н. Загоскин, Н.В. Кукольник). Принадлежали к консервативному лагерю и такие столпы русской поэзии, как А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев и П.А. Вяземский. Этих консерваторов можно объединить не только по принадлежности к определенному роду деятельности и культурной среде, но и по общности интеллектуальной базы их консервативного мировоззрения. Не будет преувеличением утверждать, что истоком консерватизма и Жуковского, и Пушкина, и Вяземского, и Тютчева было их глубокое погружение в русскую историю. Интеллектуальная биография каждого из них красноречиво свидетельствует об этом. Постигание внутренней логики русской истории способствовало тому, что на все события современности или прошлого поэты-консерваторы смотрели через ее призму. Для них была очевидной связь между знанием отечественной истории и национальным самосознанием. Так, на склоне лет Тютчев объяснял «шаткость», «податливость»,

Мещерякова Арина Олеговна, кандидат исторических наук, ведущий библиотекарь Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета. E-mail: arina-m@mail.ru

«неимоверную, страшную несостоятельность» «наших правительственных лиц, даже лучших из них», тем, что их в свое время «очень плохо учили истории». Из-за чего «нет ни одного вопроса, который бы они постигали в его историческом значении, с его исторически-непреложным характером», видя в нем «глубоко скрытые в исторической почве корни» [27, с. 353–354].

Между тем не всегда и не во всем демонстрировали поэты-консерваторы единодушие. Если А.С. Пушкин и В.А. Жуковский проявляли склонность к консерватизму и лояльность власти уже в начальный период царствования Николая I, то их товарищ по «Арзамасу» П.А. Вяземский окончательно сформировался как консерватор лишь накануне европейских революций 1848–1849 годов. Тем не менее всех их можно назвать продолжателями консервативной традиции Н.М. Карамзина, интеллектуальную и духовную связь с которым они не только всячески демонстрировали, но и неоднократно озвучивали. В несколько иных условиях происходило формирование политического мировоззрения Ф.И. Тютчева. Этот процесс пришелся на период его двадцатидвухлетнего пребывания за границей. И хотя поэт заявил о себе как о консерваторе лишь после возвращения на Родину в 40-х годах XIX века, приверженность монархии и традиционным ценностям он проявлял уже в юные годы, отличаясь в этом смысле от своих старших товарищей – А.С. Пушкина и П.А. Вяземского.

На годы царствования Николая I приходятся такие громкие события обще-европейской истории, как Польское восстание 1830–1831 годов, европейские революции 1848–1849 годов, Крымская война 1853–1856 годов. Каждое из них представляло собой своего рода опыт столкновения русской общественности и русской государственности с Западом, в том числе с западной политической мыслью и культурой. Через эти столкновения России с западной цивилизацией и шло формирование русской консервативной идеи в царствование Николая I.

Важным атрибутом мировоззрения многих представителей консервативного течения николаевского царствования было антизападничество. Однако отношение к Западу в различные периоды царствования имело свои особенности. В 1820–1830-х годах антизападничество русских консерваторов носило преимущественно политический характер и выражалось в критике процессов и тенденций общественной и политической жизни стран Западной Европы, часто при этом являясь реакцией на проявление русофобии. Достижения Запада в области литературы, науки и просвещения не подвергались сомнению. С конца 1840-х годов, особенно в связи с европейскими революциями, для представителей русского консерватизма стало характерно отрицание Запада как культурного и политического явления.

С конца 1830-го и до осени 1831 года всеобщее внимание в России было приковано к вспыхнувшему в Варшаве восстанию. Общество разделилось на тех, кто сочувствовал «польским патриотам» и критиковал Николая I за подавление восстания, и тех, кто поддерживал действия правительства, а порой и выступал за более энергичное решение проблемы. В сентябре 1831 года, вскоре после взятия русскими войсками столицы Царства Польского, в свет вышла брошюра «На взятие Варшавы» [18], в которую вошли стихотворение В.А. Жуковского «Старая песня на новый лад» и два стихотворения А.С. Пушкина – «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Все три стихотворения объединяли яркая патриотическая риторика, крайнее антизападничество и аналогии между современными событиями и Отечественной войной 1812 года. Русское общество моментально и весьма неоднозначно отреагировало на эту публикацию. Друг А.С. Пушкина и В.А. Жуковского, тогда еще либерал и западник П.А. Вяземский, обрушился с резкой критикой на авторов патриотических стихотворений. Он считал, что поэтам должно быть стыдно за то, что они в своих стихах решили «сочетать Бородино с Варшавою» [7, с. 159]. Более того, он назвал стихотво-

рение В.А. Жуковского, в котором обнаружил верноподданнические акценты, «пакостью», а разбор пушкинской оды «Клеветникам России» снабдил многочисленными саркастическими замечаниями [7, с. 158–159].

Публикация стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России» стала импульсом к осмыслению и озвучиванию как консерваторами, так и их идейными противниками ключевых вопросов русской мысли. Центральная тема стихотворения – отношения России и Запада, выявление истоков европейской русофобии. В призывах европейских политиков с помощью военной силы защитить интересы Польши, вмешаться в «спор славян между собою» поэт видел лишь повод выступить против России, дать выход природной ненависти западных держав к своему восточному соседу. Причину западной русофобии автор объяснял страхом перед сильной, независимой и непобедимой державой, которой является в глазах европейцев Россия («И ненавидите вы нас... / За что ж? ответствуйте: за то ли, / Что на развалинах пылающей Москвы / Мы не признали наглой воли / Того, под кем дрожали вы?»). Летом 1831 года в переписке с друзьями А.С. Пушкин неоднократно выражал опасения относительно угрозы войны, которую европейские державы готовы были развернуть против Российской империи. Однако в стихотворении нет и намек на осторожность во взглядах поэта на будущее России. Апеллируя к многовековому историческому опыту Русского государства, А.С. Пушкин отвечал на угрозы западных подстрекателей войны вполне однозначно: «Так высылайте ж к нам, витии / Своих озлобленных сынов: / Есть место им в полях России, / Среди нечуждых им гробов». Своеобразной поддержкой этих слов стала реплика главной героини написанной тогда же повести А.С. Пушкина «Рославлев» (1831). Узнав о пожаре Москвы и его «русском» происхождении, она заявила: «...Никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу» [22, с. 147]. В разгар Польского восстания и в условиях опасности европейской интервенции эти слова были более чем актуальными.

Стихотворение «Клеветникам России», которое поэт лично читал Николаю I и его семье в Царском Селе [17, с. 200], у «просвещенной» публики вызвало удивление и досаду. Знакомый А.С. Пушкина Н.А. Мельгунов заявлял, что после чтения его патриотических стихов потерял к нему уважение как к человеку и поэту [13, с. 167–168]. Друг А.С. Пушкина А.И. Тургенев был более снисходительным и лишь констатировал, что автор пока еще пребывает в состоянии варварства, так как впутывает патриотизм в поэзию [25, с. 158]. Однако были среди друзей поэта – убежденных западников – и те, кто дал высокую оценку оде «Клеветникам России». Так, П.Я. Чаадаев приписывал этому стихотворению знаковый характер, считая его ярким явлением в истории русской мысли. «Вот, наконец, вы – национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание», – писал он А.С. Пушкину, признаваясь, что в его сочинении он нашел «больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране» [28, с. 181–182]. Действительно, в этом стихотворении поэт поднял вопросы, вокруг которых вращалась русская консервативная мысль, как в николаевское царствование, так и в более поздние периоды.

Создание и публикация в 1831 году стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» стали важной вехой в интеллектуальной биографии А.С. Пушкина. С этого момента современниками он стал восприниматься «антилибералом» [цит. по: 9, с. 213] и «квасным патриотом» [12, с. 657], при этом в последнее определение вкладывались исключительно положительные коннотации. Русским до фанатизма [11, с. 344] назвал В.А. Жуковский А.С. Пушкина именно благодаря его жесткой и откровенной позиции вокруг Польского восстания. «Варшава должна быть разрушена», «их надобно задушить», – это лишь отдельные высказывания поэта о взбунтовавшейся Польше [23, с. 235–236; 24,

с. 15, 18, 34]. Антилиберальная и антизападническая позиция А.С. Пушкина проявилась и в его критике русского общества, продемонстрировавшего во время Польского восстания свою беспочвенность. «Ныне нет в Москве мнения общего, народного; ныне бедствия или слава отечества не отзываются в этом сердце России, – отмечал поэт. – Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения; гадко было видеть бездушных читателей французских газет, улыбающихся при вести о наших неудачах» [2, с. 516]. Тема предательства русскими национальных интересов, господства в русском обществе космополитизма и западничества впоследствии будет неоднократно звучать в сочинениях В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева и П.А. Вяземского.

1830-е годы – время зрелости консервативного мировоззрения поэта. Им были созданы такие исторические произведения как «Рославлев», «История Пугачева», «Капитанская дочка», в которых нашли свое отражение его взгляды на проблему государственной власти в России, защиты национальных интересов, патриотизма. В эти годы А.С. Пушкин заявил о себе как о безусловном противнике революций и народных бунтов, стороннике неограниченного самодержавия и строгой иерархии общества. Одновременно с этим для его взглядов были характерны политическое антизападничество и признание особого исторического пути России. Обширная переписка поэта 1830-х годов свидетельствует о его большом интересе к вопросам внешней политики России, и шире – проблеме ее цивилизационного противостояния с Западом.

Реакция публики на стихотворение В.А. Жуковского «Старая песня на новый лад», в котором воспевались исконные сила и доблесть русского оружия и русского царя, не была столь бурной, как на сочинения А.С. Пушкина, но и оно не осталось незамеченным. И хотя сам поэт считал свои стихи «бледными» в сравнении с пушкинскими, он признавался, что «ни одних стихов не писал с таким живым чувством», которое в нем пробудило известие о взятии Варшавы. «В славе отечества есть что-то жизнедательное» [11, с. 308], – заключил в связи с этим В.А. Жуковский. Нравственный авторитет поэта – воспитателя наследника престола – в обществе был столь велик, что никто, даже его критики, не мог усомниться в искренности его общественно-политической позиции, отраженной в стихотворении.

Благодаря положению при дворе, а также литературной и общественной деятельности в 1830-х годах В.А. Жуковский наравне с С.С. Уваровым исполнял роль своего рода идеолога николаевского царствования. Это проявилось, в частности, и в его участии в создании государственного гимна Российской империи «Боже, царя храни» (1833) [14, с. 25]. Написание текста гимна (у В.А. Жуковского он назывался «Русской народной песней», то есть «песней русского народа») и его невероятный успех подтолкнули поэта к созданию в 1834 году целого цикла стихов, в которых уваровская триада нашла свое поэтическое воплощение и развитие. В «Песне на присягу наследнику», двух «Народных песнях», «Многолетию», «Песни русских солдат», в стихотворении «Грянем песню круговую...» на первом плане идея единения «православного русского царя» с народом как залог спасения и благоденствия «Руси Святой» [10, с. 293–299]. При этом во всех стихотворениях легко угадывается образ Николая I, выступающего в роли идеального самодержца, «русского видом и душой», бесстрашного и могущественного защитника своего народа не только перед врагами Отечества, но и перед внутренними невзгодами («А по нужде и с чумою / Подерется за народ»).

Новым масштабным вызовом для русского общества и русской мысли стали европейские революции 1848–1849 годов. Царский манифест от 14 марта 1848 года, в котором борьба с революцией отождествлялась со священной войной против завоевателей Отечества, отвечал настроениям значительной части

русского общества, заметно «поправевшего» с началом Парижского восстания. События в Европе способствовали настоящей мобилизации интеллектуальной деятельности русских консерваторов, каждый из которых при всей однозначности своего отношения к революции, оставил собственный опыт осмысления происходящих событий.

1848 год стал поворотным в мировоззрении П.А. Вяземского: с этого момента о нем можно с уверенностью говорить как о консерваторе и защитнике русской национальной самобытности. Завершение эволюции во взглядах поэта во многом было связано с его реакцией на европейские потрясения, которые привели его к отрицанию всей западной цивилизации с ее политическими и духовными достижениями. По мысли П.А. Вяземского, революционные потрясения в Европе должны стать хорошим уроком для России, наглядным примером того, к чему приводят ложные представления о прогрессе, которым следует западная цивилизация. В письме к своему немецкому другу и давнему корреспонденту Ф. фон Энзе он весьма резко и эмоционально охарактеризовал происходящие в Европе события, заявив о закате западной цивилизации, «которую мы имели глупость слишком долго принимать всерьез и считать нашим поводом» [15, с. 574–575]. Поэт при этом не отрицал саму идею прогресса как поступательного движения, но считал, что Россия должна выбрать собственный путь развития.

Поэтическим ответом П.А. Вяземского на революционные события в Европе и одновременно манифестом русской национальной самобытности можно назвать его стихотворение «Святая Русь» (1848). Оно получило широкую известность благодаря публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Сыне Отечества», а также отдельной брошюрой [3, с. 500]. Не испытывая ни малейшего сочувствия революционному движению, автор видел в нем силу, разрушающую общественные устои: «преданья, правду и закон» [4, с. 311]. Ее «разнузданной страсти» поэт противопоставлял смирение и покорность, силу и величие своей Родины. Обращение к образу «Святой Руси» стало для него, как и для других современников-консерваторов, способом декларации самобытности России, представления о которой до предела обострила европейская революция («О, дорожи своим залогом! / Блюда тобой избранный путь, / И пред людьми и перед Богом, / Святая Русь, – святою будь! / О, будь всегда, как и донныне, / Ковчегом нашим под грозой, / И сердцу Русскому святыней, / И нашей силой пред враждой!»).

На В.А. Жуковского стихотворение П.А. Вяземского произвело очень сильное впечатление, подтолкнув к осмыслению такого уникального понятия как «Святая Русь». Россия – это государство, со своей политической мощью и границами. «Святая Русь», по мысли поэта, является идеей, «преданием», своего рода квинтэссенцией внутренней жизни русского народа, в которую можно включить православную веру, русский язык, а также «все, что собственно наше русское, что никому, кроме нас, принадлежать не может, что нигде, кроме Русской земли, не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может...» [11, с. 430].

В.А. Жуковский явился непосредственным свидетелем революции, поскольку жил в 1848–1849 годах во Франкфурте и в Бадене. С самого начала он много и подробно писал о революционных событиях своим русским корреспондентам, с которыми делился не только последними новостями, но и своими размышлениями о революции вообще и наблюдаемой им – в частности. Анархии, захлестнувшей Европу, поэт противопоставлял непоколебимость и мощь Российской империи во главе с самодержцем-консерватором Николаем I. Особое, «восточное» положение России в Европе, ее сила и самобытность делали ее, по мнению В.А. Жуковского, неуязвимой для революционных потрясений. Поэт

и раньше выступал апологетом самодостаточности России, ее максимальной независимости от внешнего мира, но в связи с событиями в Европе эта идея достигла своего апогея. Он считал, что Россия будет вдвойне сильнее, если все свое внимание обратит внутрь себя, «отгородив Китайскою стеною себя от заразы внешней». «Все, что необходимо для нашей самобытности, могучей и отовсюду неприкосновенной, все у нас есть» [21, с. 16], – заявлял поэт. Революция, по его мнению, стала серьезной причиной для того, чтобы разорвать духовные связи России с Европой и встать на свой, особый путь развития. По словам В.А. Жуковского, Россия не Европа и не Азия, она «самобытный, особый мир». В то время как Европа, оказывается «раздавленной грузом своей цивилизации» [20, с. 526], Россия, по мнению В.А. Жуковского, пребывает в фазе строительства, настоящий расцвет и величие которой наступят в будущем.

Оперативно и резко отреагировал на европейские революции и Ф.И. Тютчев. В 1840-х – начале 1850-х годов он написал целый цикл публицистических статей («Письмо русского», 1844; «Россия и Германия», 1844; «Россия и Революция», 1849; «Папство и Римский вопрос», 1850), адресованных главным образом европейской общественности. Лейтмотивом тютчевской публицистики стала идея цивилизационной самобытности России, ее независимости от Западной Европы. Поэт стремился утвердить право России играть равнозначную европейскому Западу роль в качестве другой, Восточной Европы [16, с. 63]. Изначальная враждебность Запада к России объяснялась глубинным отличием их исторических корней, равно как и их исторической миссии. «Запад уходит со сцены» [26, с. 157], в то время как Россия только приближается к расцвету в своем окончательном виде – в образе Православной или Восточной Империи. Красной нитью через всю его публицистику этого периода прошла тема русофобии – термин, автором которого был сам Ф.И. Тютчев.

Итогом публицистической деятельности поэта явился незавершенный трактат «Россия и Запад». Несмотря на свою незаконченность, схематичность отдельных частей, значение этого сочинения в политическом творчестве Ф.И. Тютчева трудно переоценить. Многие идеи, высказанные им ранее, приобрели здесь ясную и достаточно откровенную форму. Заметное внимание уделяется анализу современной поэту общественно-политической ситуации в Западной Европе, накрытой революционной волной. Объектом резкой критики выступает западный либерализм, следствием и радикальным воплощением которого собственно и явилась революция. При этом особое внимание автор уделил творцам либеральных идей, их потребителям и популяризаторам. Примечательно, что «эмансипацию человеческого разума» Ф.И. Тютчев считал едва ли не главным «грехом» западной цивилизации. В наиболее грубой форме эту идею, по мнению поэта, воплотила в себе определенная часть западного общества, либеральная интеллигенция, которая формирует общественное мнение в Западной Европе. Характерными чертами этой общественной прослойки являются, по мнению Ф.И. Тютчева, беспочвенность, разрыв с традицией и исторической жизнью своего народа, отрицание каких-либо авторитетов. «Это меньшинство западного общества (по крайней мере, на континенте), – отмечал Ф.И. Тютчев, – благодаря новому направлению, порвало с исторической жизнью масс и сокрушило все позитивные верования. Сей безымянный народец одинаков во всех странах. Это племя индивидуализма, отрицания. В нем есть, однако, один элемент, который служит для него связующим звеном и своеобразной религией. Это ненависть к авторитету в любых формах и на всех иерархических ступенях, ненависть к авторитету как изначальный принцип» [26, с. 185]. И хотя хрестоматийные тютчевские строки «Напрасный труд – нет, их не вразумишь. Чем либеральней, тем они пошлее» были написаны позже и посвящены русским либералам и западникам, анти-

либеральный пафос был присущ всей публицистике Ф.И. Тютчева 1840 – начала 1850-х годов.

Крымская война оказала мощное воздействие на эволюцию взглядов русских консерваторов. Она способствовала дальнейшему углублению их антизападничества, еще более острому переживанию ими цивилизационного конфликта России и Западной Европы, который на их глазах переходил в сферу реальной политики. На первый план в размышлениях консерваторов в годы Крымской войны выходили проблемы вестернизации русского общества и правительственных кругов, отсутствия у русской элиты национального самосознания, процветание европейской русофобии. Еще до официального объявления войны в дневниках и письмах консерваторов отразились предчувствия надвигающейся национальной катастрофы. Внимательно следивший за развитием русско-турецкого конфликта П.А. Вяземский резко критиковал отсутствие национальной линии в политике Министерства иностранных дел России и в целом – слабость, уступчивость, неоднозначность позиции русских правительственных кругов в решении Восточного вопроса. Главной бедой для России, по мнению поэта, стала фактическая ориентации русского правительства на Европу. Так, касаясь в своем дневнике истории переговоров А.С. Меншикова с турками накануне войны, П.А. Вяземский упрекал русского посланника в излишней мягкости, медлительности и нерешительности. Считая, что единственным действенным инструментом русской дипломатии должна быть демонстрация военной силы, он заявлял о бессмысленности длительных переговоров. «С турками и Европой у нас один общий язык: штыки, – писал он. – На этом языке еще неизвестно чья речь будет впереди. А на всяком другом нас переговоят, заговорят, оговорят, и, по несчастью, уговорят» [8, с. 75]. Настоящую досаду вызывало у Вяземского заискивание официальной России перед ведущими европейскими державами – Англией и Францией, нежелание видеть в них своих реальных и главных противников [29, с. 434].

Глубоко переживал события Крымской войны и Ф.И. Тютчев. Так же как и П.А. Вяземский он считал, что главные проблемы, с которыми столкнулась Россия в ходе войны, связаны с мировоззренческими изъянами русского общества и правительства. Поэт полагал, что Россию неумолимо губит откровенное западничество «официальной России, которая до того утратила всякий смысл и чувство своего исторического предания, что не только не примечала до сих пор в Западе своего естественного, неизбежного врага, но только о том и трудилась, как бы сделаться его подкладкой...» [цит. по: 1, с. 241]. Ф.И. Тютчев считал, что в Петербурге очень много людей, которые «благодаря своему положению» могут причинить России «гораздо больше вреда», чем ее внешние враги.

Крымская война и ее итог повлияли на взгляды консерваторов на Восточный вопрос, которые стали более прагматичными. Если в публичных текстах военного времени продолжала звучать тема славянского единства и русского долга с оружием в руках защищать «православных братьев» [5, с. 279], то, к примеру, дневниковые записи П.А. Вяземского тех лет отражали значительно более трезвый взгляд на данную проблему [8, с. 58–59]. После войны в сочинениях и письмах Ф.И. Тютчева Восточный вопрос и связанные с ним темы отошли на второй план, а разговоры славянофилов о судьбах славянства он сравнивал с «бесполезным и даже смешным пережевыванием общих мест» [19, с. 168]. П.А. Вяземский в этом вопросе был еще более категоричным. Так, касаясь вопроса о военной помощи славянам, накануне русско-турецкой войны, он писал следующее: «Неужели мы своими боками, кровью своей, может быть, будущим благоденствием своим должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали. Сербы сербами, а русские русскими. В том-то главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя более славянами, нежели русскими.

Русская кровь у нас на заднем плане, а впереди славянолюбие». И далее отмечал, что Россия для славян всегда была только лишь «дойной коровой», а все их стремления были направлены к Западу. «А мы даем себя доить до крови», – заключал поэт [6, с. 467–468].

На фоне крупнейшего столкновения России с Западом, в атмосфере разразившейся национальной катастрофы углубились представления консерваторов о самобытности Русского государства. Корень русского своеобразия поэты и консервативные мыслители традиционно видели в Православии. «Мы – православные, и этим словом сказано все. Тут наш символ веры, народный и политический» [5, с. 279], – заявлял П.А. Вяземский. Мысль о Православии как краеугольном камне русского бытия разделяли и другие поэты-консерваторы. В конце николаевского царствования в русской мысли получила развитие идея о России как особом мире, «живущем своей собственной, органической, самобытной жизнью». Это не Европа и не Азия, этот «отдельный» мир – Россия [11, с. 419; 5, с. 442; 26, с. 118]. Именно в представлениях консерваторов николаевского царствования идея цивилизационной уникальности России, России как антитезы Западного мира не только получила свое мощное развитие, но и дала импульс для творчества будущих поколений консервативных мыслителей, в том числе классиков русского консерватизма Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева.

Роль представителей русской литературы в становлении и развитии консервативной мысли в России по-настоящему велика. Это касается не только эпохи Николая I, но и предшествующего и последующих периодов истории русского консерватизма. Достаточно назвать имена Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова, чтобы проиллюстрировать эту мысль. На поэта в России и в русской культуре традиционно возлагалась роль пророка. Поэтому неудивительно, что в эпоху национального возрождения, поиска русской идеи, ее формулировали и развивали в своих сочинениях выдающиеся русские поэты А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев и П.А. Вяземский. Именно они в царствование Николая I оказались в авангарде национально-консервативного движения. Филологам и историкам еще предстоит изучать классиков русской литературы в качестве ярких и оригинальных консервативных мыслителей.

Литература

1. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева: Репринтное воспроизведение издания 1886 года. М.: Книга и бизнес, 1997.
2. Александр Сергеевич Пушкин: рукописи поэта, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве (сообщ. В.Е. Якушкин) // Русская старина. 1884. № 12. С. 515–588.
3. Бондаренко В.В. Вяземский. М.: Молодая гвардия, 2004.
4. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. кн. П.А. Вяземского: [в 12 т.]. Т. 4. СПб.: С.Д. Шереметев, 1880.
5. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. кн. П.А. Вяземского: [в 12 т.]. Т. 6. СПб.: С.Д. Шереметев, 1881.
6. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. кн. П.А. Вяземского: [в 12 т.]. Т. 7. СПб.: С.Д. Шереметев, 1882.
7. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. кн. П.А. Вяземского: [в 12 т.]. Т. 9. СПб.: С.Д. Шереметев, 1884.
8. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. кн. П.А. Вяземского: [в 12 т.]. Т. 10. СПб.: С.Д. Шереметев, 1886.
9. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1969.
10. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2000.
11. Жуковский В.А. «Путь мой лежит по земле к прекрасной, возвышенной цели...»; «Жизнь и Поэзия одно»; «Ты жил и будешь жить для всех времен!..». М.: Русский мир, 2008.
12. Из дневника Николая Алексеевича Муханова // Русский архив. 1897. Кн. I. С. 653–657.

13. *Кирпичников А.И.* Очерки по истории новой русской литературы. Т. 2. 2-е изд., доп. М.: Маг. «Книжное дело», 1903.
14. *Киселева Л.Н.* Карамзинисты – творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне) // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 24–40.
15. Комментарии // *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Классика, 2004. С. 451–576.
16. *Мещерякова А.О.* Имперская идея в публицистике Ф.И. Тютчева // Российская империя в исторической ретроспективе: сборник научных трудов V Международной научной конференции, 28–29 января 2010 года. Белгород; Чернигов, 2010. С. 63–66.
17. *Муравьева О.* «Вражды бессмысленный позор...». Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204.
18. На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб.: Военная типография, 1831.
19. *Пигарев К. Ф.И.* Тютчев и его время. М.: Современник, 1978.
20. Письма В.А. Жуковского А.Я. Булгакову (1836–1852) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Вып. 17. М., 2008. С. 487–553.
21. Письма В.А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу // Русский архив. 1885. Кн. I. С. 7–19, 242–272, 526–540.
22. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960.
23. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962.
24. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962.
25. *Тургенев А.И.* Политическая проза. М.: Советская Россия, 1989.
26. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Классика, 2003.
27. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Классика, 2004.
28. *Чаадаев П.Я.* Сочинения и письма: [т. 1–2] / Под ред. М. Гершензона. Т. 2. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1914.
29. *Шульгин В.Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб.: Нестор-История, 2009.

Аннотация. Статья посвящена истории русского консерватизма в период его расцвета – в царствование Николая I. Особое внимание уделяется участию в консервативном движении классиков русской литературы: А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, П.А. Вяземского. Отмечаются особенности их взглядов и общественной деятельности в этот период, подчеркивается влияние, которое оказали на их мировоззрение ключевые политические события эпохи – Польское восстание 1830–1831 годов, европейские революции 1848–1849 годов, Крымская война 1853–1856 годов.

Ключевые слова: русский консерватизм, русская литература, Православие, самодержавие, Запад, русофобия, антизападничество.

Arina Meshcheryakova, Ph.D. in History, leading bibliographer, Zonal Scientific Library, Voronezh State University. E-mail: arina-m@mail.ru

“Poetic Conservatism” under Nicholas I

Abstract. The article deals with Russian conservatism in its heyday, i.e. in the reign of Nicholas I. The article puts special emphasis on Russian classical writers and poets, such as A. Pushkin, V. Zhukovsky, F. Tyutchev, and P. Vyazemsky and their participation in the conservative movement. Their views and public life are studied within the context of the key political events of the epoch, such as the November Uprising, European revolutions of 1848–1849, Crimean War of 1853–1856 and their impact on the literary works.

Keywords: Russian Conservatism, Russian Literature, Orthodox Christianity, Monarchy, West, Russophobia, Anti-Westernism.